

«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Рассмотрены основные направления исследовательского внимания к губернским ведомостям в дореволюционный период. Это библиографические обзоры содержания губернских ведомостей, использование материалов ведомостей в качестве источника в центральных изданиях, дискуссия по поводу содержания и направления губернских ведомостей в среде общественных деятелей и газетных сотрудников, определение места губернских ведомостей в системе периодической печати России в очерках ее истории и справочных изданиях. В качестве примера влияния авторитетного мнения на формирование отношения к губернским ведомостям рассмотрена статья Н.М. Ядринцева «Начало печати в Сибири» (1885) как основа областнической концепции сибирской периодики, которая в дальнейшем «нарастила» историографический авторитет и до настоящего времени в своей фактологической и оценочной частях продолжает использоваться для освещения истории губернских ведомостей Сибири.

Ключевые слова: губернские ведомости; дореволюционная печать; историография периодической печати; источниковедение.

Интерес к губернским ведомостям как представителям провинциальной прессы возник в среде ведомственных официальных изданий. Уже спустя семь лет после начала массового выхода губернских ведомостей, в 1845 г., «Русский инвалид» сообщал своим читателям: «Отдавая почти ежемесячно отчет о том, что замечательного представляют своим читателям наши столичные журналы, мы до сих пор ничего не говорили об их меньших братьях, губернских периодических изданиях, еще мало развившихся, еще мало известных, но могущих со временем сделаться центрами местной провинциальной литературы» [1. № 82. 12 апреля. С. 325]. В 1848–1851 и 1852–1855 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышло «Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг.» [2] и «Обозрение губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг.» [3] И.П. Боричевского. В «Обозрении» по названиям, авторам и номерам ведомостей, имевшим неофициальный отдел, были систематизированы статьи, касающиеся истории Русской православной церкви, археологических находок, языкознания, биографий выдающихся исторических лиц, архивных документов, географии, статистики и этнографии. Работа И.П. Боричевского была продолжена историком русской литературы и библиографом Г.Н. Геннади – в «Вестнике Императорского Русского Географического общества» в 1852–1859 гг. печатался «Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851–1856 гг.» [4]. Некоторые из статей предварялись небольшими аннотациями их содержания. Наконец, другим членом Русского географического общества – этнографом и археологом А.И. Пискаревым – к 1860 г. был завершен масштабный труд по составлению «Алфавитно-синтетического указателя сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей» с 1838 по 1851 г. [5]. Более пространственными характеристиками губернских ведомостей с кратким воспроизведением содержания опубликованных в них материалов отличались обзоры в частных литературно-публицистических журналах – «Современнике» [6], «Русском вестнике» [7] и «Отечественных записках» [8].

Либерализация политического режима и появление у прессы новых возможностей по влиянию на власть и общество привели к тому, что библиографические обо-

зрения губернских ведомостей дополнились интересом к ним как одному из основных видов местной периодики. В столичных изданиях начался обмен мнениями по поводу направления ведомостей, их роли в общественной жизни и места в складывающейся системе российской печати. Началом этой дискуссии можно считать ряд публикаций в 1859 г. в «Русском дневнике», издателем-редактором которого был П.И. Мельников. «Московские ведомости» откликнулись статьей из Казани, объясняя, что местные ведомости «задавлены» статьями «о благосостоянии края, о благодетельных распоряжениях местного начальства, и благосклонными отзывами об эфемерных удовольствиях провинции» [9. № 28. 1 февраля. С. 215] потому, что в их распоряжении имеются только очень скудные материальные средства, а редактор находится в зависимом от начальства положении. Улучшить содержание неофициальной части в этих условиях могло бы размещение в ней поясняющих и руководящих статей к публикациям в части официальной. «Все, изучающие настоящее и прошлое России, сознают необходимость знакомства со статьями местного интереса, помещающимися в наших губернских ведомостях» [10. № 56. 6 марта. С. 41], – писали далее «Московские ведомости», приводя в последующих номерах этнографические сведения из «Вологодских», «Черниговских», «Ярославских», «Казанских», «Харьковских», «Калужских», «Оренбургских», «Саратовских» и «Томских» ведомостей [11. № 255. 27 октября. С. 1832–1833; № 256. 28 октября. С. 1838–1840]. По мнению газеты, редактором ведомостей должен был быть учитель гимназии или лицо, имеющее университетское образование. Обзор современных вопросов, затрагиваемых в губернских ведомостях (деятельность крестьянских комитетов, женское образование, устройство телеграфных линий, организация публичных библиотек), в этом же 1859 г. производил журнал «Семейный круг» [12. № 5. С. 214–288; № 6. С. 198–209; № 7. С. 224–233], объясняя недостаточное внимание к этим вопросам тем, что чиновники, позволившие себе «печатно открыть завесу провинциальной жизни», могут повредить своей карьере и иметь неприятности от высшего начальства [12. № 5. С. 215]. В целом, солидаризируясь с «Московскими ведомостями» в отношении того, что в ведомостях «могли бы высказываться местные потребности, сред-

ства к исправлению общественных недостатков», автор считал, что этого не происходит не по организационным причинам: «Многие думают, что губернские ведомости не достигают своей цели потому, что издаются при губернском правлении, и что если бы редакцию неофициальной их части поручить местным гимназиям, они бы переменили свой характер, – едва ли так» [Там же. С. 216]. Включившийся в дискуссию «Московский вестник» также считал, что ведомости должны освещать «проявления народной жизни, быта и нравов народа, его нужд и потребностей» [13. № 27. С. 432–435]. Объясняя степень использования 54 местных литературных органов в качестве источника для внутреннего обозрения, «Московские ведомости» в 1860 г. выделяли среди них «лучшие органы провинциальной жизни», которые сообщали «прекрасный материал для истории, статистики и этнографии России» или отдавали большее предпочтение текущим известиям, «стараясь быть отголоском важнейших нужд и потребностей своего края» [14. № 3. 4 января. С. 19]. Большая же часть ведомостей ограничивалась лишь перепечатками или «очень плохими» фельетонами. Совет, который давали «Московские ведомости» своим провинциальным коллегам и который многими из них уже воплощался: печатать на своих страницах статистические, этнографические и исторические материалы, собираемые местным губернским статистическим комитетом.

Историк и краевед Р.Г. Игнатъев, работавший в «Новгородских», а затем в «Оренбургских» губернских ведомостях, в газете «Иллюстрация» в 1860 г. также выносил суровый приговор тем местным казенным газетам, которые увлекались перепечатками, пренебрегая интересами местной жизни. Он предлагал допустить на страницы неофициальной части беллетристику и издавать ее отдельно под руководством частного лица «вне всякого влияния губернских властей» [15. № 146. 24 ноября. С. 326–327]. Статья вызвала выговор цензору и предупреждение редактору журнала, поскольку была напечатана без предварительного согласования с Министерством внутренних дел, в ведении которого находились губернские ведомости [16. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5510. 1860 г. Л. 11–12]. По поводу статьи Р.Г. Игнатъева «Московские ведомости» в 1862 г. опубликовали мнение из села Берестова, в котором большее или меньшее значение ведомостей и отношение к ним чиновного общества целиком и полностью связывалось с фигурой губернатора, в убеждениях которого «заключается развитие или совершенное уничтожение деятельности редактора неофициальной части губернских ведомостей». Автор предлагал сохранить должность редактора в составе губернского чиновного аппарата и соединить ее с должностью секретаря статистического комитета, с жалованием в 1600 р. в год и суммой в 600 р. для выплаты авторских гонораров. Назначенная законом программа газеты «могла бы быть расширена дозволением помещать в ней повести, рассказы и вообще статьи, имеющие по своему содержанию литературно-общественный интерес» [17. № 38. 16 февраля. С. 310–311]. В продолжение дальнейших шагов по реформированию губернских ведомостей Р.Г. Игнатъев, называя их программу «отжившей», а сам печатный орган «немым», предлагал передать ве-

домости и губернские типографии в аренду частным лицам и упразднить газетный стол, открыть в ведомостях юридический отдел, отдел критики и библиографии, допускать в неофициальной части «беллетристику, рассказы, стихотворения, ученые статьи преимущественно местного интереса, иметь постоянный политический отдел и телеграфные депеши» [18. № 155. 15 июля. С. 1249]. Аналогичное мнение высказал С.Н. Терпигорев, отправив в 1862 г. в «Голос» статью «Губернские ведомости» о передаче их «литературным каторжникам» из петербургских редакций. Однако по цензурным соображениям эта публикация не состоялась [16. Ф. 777. Оп. 26. Д. 27. 1863. Л. 1–3].

В 1861 г. в газете либерального направления «Русское слово» появились два новых раздела – «Современная летопись» и «Дневник темного человека», которые вели Г.Е. Благосветлов и Д.Д. Минаев, извлекая из ведомостей информацию о «мерзостях и пакостях», совершаемых по всей России, и отпуская острые замечания по поводу творчества провинциальных литераторов. Например, в «Симбирских губернских ведомостях» 1862 г. «какой-то провинциальный “афтор”» извещал своих земляков о том, что «в Петербурге по улицам ходят какие-то турки в масках и режут всех, кто под руку ни подвернется». В этой же статье объявлялась новость, что ни одно русское имя не начинается с буквы «Ж» – «открытие это до такой степени замечательное, что оно вероятно будет перепечатано во всех газетах» [19. 1862. Март. Отдел 3. С. 18–19]. Обращаясь к местным корреспондентам, «темный человек» восклицал: «Вам ли воспевать природу с ее таинствами и пр. и пр.? Или уже окружающая вас среда обратилась в счастливую Аркадию...» [19. 1862. Май. Отдел 3. С. 37]. «Современный летописец» призывал губернские ведомости разрабатывать местные вопросы, в особенности касающиеся крестьянской реформы, как это делали «Ярославские губернские ведомости», и быть тем самым «хорошим подспорьем для внутренней хроники столичных газет и журналов» [19. 1862. Март. Отдел 3. С. 19].

В использовании публикаций в ведомостях в качестве заслуживающего доверия официального источника дальше всего, в интересах «освободительного движения», пошли издания революционно-демократического направления. С 1860 г. в «Современнике» выходило «Внутреннее обозрение» – «постоянная хроника внутренней жизни нашего отчества», которую вел С.Т. Славутинский [20. 1860. № 3. С. 231–235]. В одном из писем к нему Н.А. Добролюбов призывал «группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений», чтобы «колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху» [21. С. 67–68]. Несмотря на то что Н.А. Добролюбов в предисловии к рецензии на «Пермский сборник» (Москва, 1859) считал, что выходящие ведомости «до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов» [20. 1859. № 10. Отд. 2. С. 358], в своей статье «Опыт отучения людей от пищи» (направленной против деятельности одного из откупщиков) он основывался на статье «Небывалое возмущение», напечатанной в «Са-

марских губернских ведомостях» их редактором Д.Л. Мордовцевым [22. С. 438–460]. Материалы «Оренбургских губернских ведомостей» Н.А. Добролюбов использовал для обнародования фактов взяточничества и спекуляции местных чиновников, а «Самарских губернских ведомостей» – вновь в статье «О распространении трезвости в России». К фактам из «Киевских губернских ведомостей» и газеты «Кавказ» обращался также и Н.Г. Чернышевский [23. С. 29]. Всероссийскую огласку получали сведения из губернских ведомостей в «Колоколе» А.И. Герцена, в случае если их возможно было интерпретировать как очередное «злодейство» правительства или помещиков [24. С. 30–32].

«Губернские ведомости» и их авторы стали предметом сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина, в ведении которого в период работы рязанским вице-губернатором в 1858–1860 гг. находились «Рязанские губернские ведомости». В фельетоне «Литераторы-обыватели» (1861) он вывел фигуру провинциального обличителя Корытничкова, который многословно, со смешением высокого стиля общих рассуждений с описанием фактов мелких административных правонарушений, рассуждал об умственном и гражданском развитии: «В то время, как ты мучишься в потугах рождения, чтоб бросить миру какую-нибудь высокопарную мысль о человечестве и постепенном поступании его на пути совершенствования, трезвая и неподкупная действительность силой приковывает тебя к тесной твоей раковине, к родному твоему Глупову! И выходит тут нечто нелепое: Глупов – и человечество, судья Лапушников – и вечные законы правды...» [20. 1861. № 2. С. 371–408]. В фельетоне «Наша общественная жизнь» (1863) губернские ведомости в своей благонамеренности и трафаретности описаний официальных торжеств ставились в один ряд с «Голосом» («Куриным эхом») и «Русским листком» («Убогим листком») как примеры «картонной литературы»: «Из Рязани пишут, что выборы произведены в совершеннейшем порядке»; «Из Саратова пишут, что по случаю упразднения откупов ожидали некоторых беспорядков, однако все обошлось смирно: народ пил дешевку и похваливал»; «Из Калуги пишут, что там, по случаю назначения нового губернатора, дворяне решились дать бал»; «Из Костромы пишут, что там дворяне решились дать бал без всякого случая»... <...> Такого рода сплошным благородством давно уже с величайшим успехом занимаются все губернские ведомости обширной Российской империи. Неужели же наша литература осуждена превратиться в губернские ведомости? ужели общество, для которого литература все-таки служит органом, допустит такое нелепое превращение?» [20. 1863. № 3. С. 175–202].

Коллеги классика русской сатиры по революционно-демократическому лагерю также были с ним солидарны в отношении к губернским ведомостям. Публицист Н.В. Шелгунов в статье-очерке «Гражданские элементы Иркутского края» (1863) писал, что ведомости «стали кидаться в литературность; от этого в них относительно убавилось дела и прибавилось лишних слов», между тем они должны быть справочником-хроникой провинциальных событий и происшествий, «складом фактов» для частных, более серьезных и идейных газет: «Пусть публикуют они все, что случит-

ся в губернии – грабежи, убийства, кражи, банкротства, пусть дадут статистические сведения об экономическом быте сельских и городских сословий, о людях бедных и богатых, о том, как живут чиновники, о том, как нажимаются купцы, о том, как существуют крестьяне и мещане» [19. 1863. Сентябрь. С. 21–22]. В.А. Слепцов, высмеявший «попытки народной журналистики» в виде журналов «Мирской вестник» и «Мирское слово» [20. 1863 № 3. С. 131–144], в статье «Губернская пресса» (1865), напечатанной в «Современнике», определил губернские ведомости как «мертвоорожденные детища разных губернских правлений», которые пишут «не публицисты, а канцелярские служители, шивают сторожа и печать наклеивают они же» [20. 1865. № 9. С. 43]. Категоричность и выразительность этой формулировки так полюбилась некоторым историкам печати, что она стала приводиться при случае, когда необходимо было кратко и хлестко выразить свое отношение к губернским ведомостям вообще или к отдельным их наименованиям в частности [25. С. 305; 26. С. 108; 27. С. 4]. С иронией пройдясь по содержанию также и «прогрессивных органов провинциальной журналистики», носящих подражательный характер провинциальных газет столичным московским газетам, Слепцов заключал свою статью выводом, что «чего-нибудь особенно нового в пределах провинциальной журналистики и совсем никогда не бывает» [20. 1865. № 9. С. 53].

Известный библиограф В.И. Межов (1870), называя лучшими среди ведомостей «Архангельские», «Бессарабские», «Олонекские», «Пермские», «Таврические», «Терские», «Харьковские» и «Ярославские», а «Виленские», «Ковенские», «Екатеринославские», «Московские», «С.-Петербургские», «Смоленские» и «Тульские» – представляющими из себя «степь Сахару», так же как и Р.Г. Игнатьев, предлагал передать официальные газеты в аренду частным лицам: «Правительство перестало бы тратить деньги большею частью непроизводительно; общество имело бы несколькими десятками занимательных и полезных газет более... <...> А что в каждом губернском городе достаточно хватило бы интеллектуальных сил на издание серьезного органа отечествоведения, то в этом не может быть никакого сомнения... <...> И так, даже и при настоящем порядке вещей, едва обеспечивающем существование местных казенных органов печати, находятся люди бескорыстно преданные делу исследования и описания известного края» [28. С. 14–15].

В 70-х гг. в дискуссию о соотношении центрального и регионального секторов российской печати включились бывшие сотрудники губернских официальных изданий: Д.Л. Мордовцев – в 1856–1862 гг. редактор «Саратовских губернских ведомостей» и А.С. Гациский – секретарь Нижегородского губернского статистического комитета. В 1869 г. на страницах «Нижегородских губернских ведомостей» А.С. Гациский определял задачи провинциальной печати как разработку местных «строго-исторических, статистических, этнографических, земских и т.д. интересов», а не создание «доморощенной публицистики» в подражание петербургской [29. 1869. № 3. 15 января. С. 18]. Свое убеждение он подкреплял конкретной деятельностью, начав издание продолжающегося «Нижегородского сборни-

ка» (в 1867–1890 гг. вышло 10 томов), посвященного положению и быту крестьян, экономическому развитию губернии, состоянию в ней системы образования и здравоохранения. Д.Л. Мордовцев, напротив, предсказывал, что рост столиц – «вселенских спрутов», сосредотачивающих в себе все лучшие духовные и экономические силы страны, приведет к окончательной централизации печати, обрекая провинциальных «соратников» столичных изданий на «измельчание» и «духовное убожество» [30. 1875. № 9. С. 44–70; № 10. С. 1–32] (сам Мордовцев в 1872 г. окончательно перебрался из Саратова в Петербург, где начал серию исторических романов, составивших ему известность у современников). В то же время в своих рассуждениях Мордовцев противоречил сам себе, приводя мнение Гацисского, как «самого видного представителя» провинциальной печати, о том, что печать провинции может рассказать об историческом прошлом каждой отдельной территории во всех мельчайших подробностях, недоступных или безынтересных историку-централисту. Гацисский в открытом письме Мордовцеву высказался против монополии столичной журналистики, находящейся в неведении о том, что делается в провинции, газеты которой в середине 70-х гг. стали разрабатывать темы, немислимые 10–15 лет назад, переставая быть «кабальной батрачкой» петербургской печати. В отношении места губернских ведомостей среди провинциальных изданий Гацисский писал, что их существование вовсе не мешает развитию частной прессы: «Была бы газета хороша, а подписчики ее поддержат... <...> “Губернские ведомости” пусть их будут “Губернскими ведомостями”»; уничтожение же их искусственной монополии именно с целью создания или поддержания другой искусственной монополии частных газет, по меньшей мере непоследовательно» [31. С. 16–17]. В этой полемике приняли участие «Камско-Волжская газета», «Сибирь» и «Тифлиссский вестник». Дискуссия не завершилась примирением [32. С. 120] – в 1877 г. Д.Л. Мордовцев в ответ на письмо А.С. Гацисского «Вашу руку, товарищ!» в «Неделе» ответил, что он «не уступил» и «не отступил» от того, что говорил в «Деде». Каждая из сторон, делал вывод Х.С. Булацев, «после долгих споров и “объяснений” осталась на исходных позициях» [27. С. 133–134].

Сами ведомости стали заявлять о себе по мере накопления материалов в их неофициальных частях, что приводило к необходимости составления тематических и хронологических указателей. Действующие редакторы или лица, когда-либо исполнявшие эту должность, смотрители типографий или секретари губернских статистических комитетов (часто эти должности совмещались) становились первыми авторами очерков истории губернских ведомостей, содержащих в себе имена их сотрудников, сведения о тираже, периодичности, тематике разделов, взаимоотношениях с властью и частными изданиями. Для составления указателей продельвалась титаническая работа. Так, И.И. Васильевым было просмотрено более 5 000 номеров «Пензенских губернских ведомостей» за 50 лет их издания, выделено 3 000 публикаций, распределенных по 25 рубрикам. Д.Д. Смышляев расположил по тематическому принципу 1 885 публикаций неофициальной ча-

сти «Пермских губернских ведомостей» за 1838–1885 гг., а именной указатель содержал 494 фамилии авторов [33. С. 117]. Составители избирали различные способы упорядочивания материала – по хронологическому, предметному, авторскому и географическому принципам. К концу XIX в. вышло 120 указателей по 32 губернским ведомостям из 40, издававшихся на территории Российской Федерации [34. С. 133]. Они публиковались в виде отдельных работ, в самих ведомостях и других местных изданиях – «Трудах» и «Ежегодниках» губернских статистических комитетов, «Памятных книжках», «Трудах» архивных комиссий.

Всплеск интереса к ведомостям пришелся на 1888 г., когда большинство из них отмечало свое пятидесятилетие и у местных литературных сил появлялась возможность подвести определенные итоги развития газеты, выделить этапы ее истории, представить полную ретроспективу статей неофициальной части. Таковы работы Н.Е. Ермилова об «Архангельских губернских ведомостях» (1888) [35], В.В. Соловского о «Тамбовских губернских ведомостях» (1888) [36], П.А. Альбицкого о «Нижегородских губернских ведомостях» (1888) [29. 1888. № 6–8, 10–13, 15, 19, 21–23], И.И. Васильева о «Пензенских губернских ведомостях» (1889) [37], Н.В. Воскресенского о «Воронежских губернских ведомостях» (1888–1890) [38] и др. Столетие губернской типографии также становилось поводом для обращения к истории издаваемой в ней газеты. В.А. Скрипичин (1895) не без гордости писал о «Саратовских губернских ведомостях» после изменения программы их издания в 1888 г.: «Не велик наш огонек, но и слабый блеск мерцающего вдали огонька выводит заблудившегося путника на дорогу» [39. С. 20]. Его коллега В.М. Хороманский (1895) подробно рассказал об истории саратовской губернской типографии, постановке в ней печатного дела, состоянии и обновлении ее оборудования, условиях работы и квалификации типографских рабочих [40].

Благодаря указателям губернских ведомостей их содержание включалось в общероссийское информационное и научное пространство, делалось доступным для развития «родиноведения» и «отечествоведения». Дальнейшее развитие русской истории и этнографии повышало ценность неофициальных частей губернских ведомостей в качестве источника [41. С. 77–83] и ставило задачу его «обследования» в масштабах всей страны. Историк и этнограф Н.Ф. Сумцов отмечал, что «в общей громадной массе областных ведомостей встречаются весьма ценные номера», «эти скромные издания вносили в провинциальную глушь кое-какие сведения о мире и людях», и пятидесятилетний юбилей их издания в 1888 г. должен ознаменоваться составлением общего и подробного указателя их содержания [42. С. 2, 7–8]. На необходимость сохранения и изучения губернских ведомостей Сибири «для пользы науки и в видах содействия местным исследователям» указывал И.В. Щеглов (1883). По мнению создателя первой сибирской хроники, ведомости сохранили на своих страницах множество любопытных материалов для местной истории, этнографии, статистики, лингвистики, метеорологии и пр. Как внимательный к каждому факту и событию прошлого историк, И.В. Щеглов от-

мечал, что «эти издания уже сделались библиографической редкостью» и необходимо издавать указатели содержащихся в них статей, а наиболее ценные и интересные из них обобщить в сборнике [43. С. 348]. Историк В.С. Иконников в своем «Опыте русской историографии» (1891) включил губернские и епархиальные ведомости в разряд источников по русской истории и представил краткий обзор отдельных региональных сборников, перепечатававших их статьи [44. С. 329].

В конце XIX – начале XX в. издатели, газетные работники, журналисты, библиографы подводили некоторые итоги развития российской печати, которой в 1903 г. исполнилось 200 лет. Публицист и издатель Б.Б. Глинский в очерке об истории и современном положении провинциальной периодики (1898) заключал, что к концу XIX в. «мечта наших областников сбылась: провинциальная печать во всех губернских центрах завоевала себе право гражданства и является действительной руководительницей местного общества» [25. С. 320]. В отношении же губернских ведомостей Б.Б. Глинский делал вывод, что «правительству, сосредоточившему в своих руках губернскую прессу, несмотря, может быть, на самые благие побудительные намерения, не удалось сделать из них влиятельных и руководящих органов печати, и вся их роль сошла на роль справочных изданий по части официальных объявлений, полицейских распоряжений и казенных объявлений на разные торги» [25. С. 305].

Известный русский писатель В.Г. Короленко в статье «Из истории областной печати» (1897), посвященной памяти А.С. Гацисского, представил процесс «оживления» губернских ведомостей как трагикомедию, действующие лица которой – просвещенный администратор, покровительствующий печатному слову, и представители губернской интеллигенции, «с жаром и пылкими надеждами» принимающиеся за неофициальную часть. «В первом действии – общее благоволение и призывы “к совместному труду на пользу края”. Во втором – появление первого обновленного и “оживленного” номера, знаменующего начало процветания местной прессы. Потом – первые тучи на ясном небе. Одной стороне казалось, что достаточно доброго желания, чтобы все процвело во “вверенном крае”, и что теперь “темные стороны” могут существовать разве только в соседних губерниях. Другая ждала, что ей позволено будет раскрывать “бедность и несовершенство нашей жизни” и призывать лучшее будущее. На этой почве взаимные недоразумения растут как грибы, “оживление” вскоре кончается среди обоюдного охлаждения и недовольства, неофициальный отдел исчезает или принимает чисто канцелярский характер...» [45. С. 10–11]. Действительно, направление казенного издания не могло быть стабильным и последовательным, как у частной газеты, изменение отношения к ней администрации или цензурное предупреждение могли привести к «упадку» неофициальной части, который в свою очередь мог вновь смениться ее «оживлением».

В сборнике статей, приуроченном к юбилею русской периодической печати (1903), празднование которого «вылилось в разговор о бесправном, угнетенном положении прессы в России» [46. С. 17], Н.М. Лисовский определял губернские ведомости лишь как

«столбцы официальных сведений и казенных объявлений» [47. С. 18–19]. С точки зрения расстояния, пройденного печатью к началу XX в., и вставших перед ней к этому времени общественно-политических задач ведомости, как и вся пресса дореформенного периода, казались малозначительными по содержанию и значению. «Да, очень, очень ничтожна была ежедневная пресса 1848–1855 гг., ничтожна, начиная с формата, – писал С.А. Венгеров. – А на каждый, день газеты довольствовались заимствованиями из “Губернских ведомостей” о том, что в таком-то городе стала река, найден клад, пролетел метеор, прибыл преосвященный, родился теленок о шести ногах и т.д. <...> “Губернские ведомости”, состоявшие и состоящие поднесы из распоряжений губернского правления и этнографических сведений, мы, конечно, не включаем в число газет» [48. С. 101–102, 105].

Первый обзор истории сибирской печати появился в 1885 г. и принадлежал Н.М. Ядринцеву – публицисту, общественному деятелю, ученому и одному из основателей сибирского областничества. В приложении к «Восточному обозрению» – «Сибирском сборнике» – была помещена статья «Начало печати в Сибири», в которой второй раздел был посвящен губернским ведомостям [49. С. 367–375]. «Крайне убогими и неприглядными являются эти представители печати в виде сереньких листиков и с не менее убогим материалом» [49. С. 367], – так открывалась характеристика «Тобольских губернских ведомостей». «Томские губернские ведомости» возникли «при еще более скудных силах» и высоко оценивались в связи с публикациями в них Г.Н. Потанина и самого Н.М. Ядринцева: «...в 1858 г. появляется статья в ведомостях даже Г.Н. Потанина...»; «В 1865 г., во время редакции Д.Л. Кузнецова, на смену прежних литераторов являются в “Губернских ведомостях” первые силы сибирской университетской молодежи и пробуют сделать газету литературной, но попытка эта является кратковременной...» [49. С. 369–370]. Более высокой оценки удостоились «Иркутские губернские ведомости» благодаря привлечению генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым к работе в них ссыльных М.В. Петрашевского и Н.А. Спешнева. Н.М. Ядринцев приводит мнение В.И. Вагина: «Газетка [“Иркутские губернские ведомости”] приняла обличительный характер и притом до такой степени живой и смелый, что в этом отношении едва ли могло равняться с ней какое-нибудь другое издание того времени в России... <...> Публика скоро поняла дух губернских ведомостей, и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков» [49. С. 371–373]. «Упадок» ведомостей наступил – с 1860 г. для «Иркутских» (в связи с началом издания «Амура»), с 1866 г. для «Томских» (после ареста областников), с 1868 г. для «Тобольских» (с уходом с поста губернатора А.И. Деспот-Зеновича). Ведомости Енисейской губернии, Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской областей вовсе не представляли никакого интереса – «некоторые не идут дальше одного листика с обыкновенными местными распоряжениями» [49. С. 371]. В целом, Н.М. Ядринцев обращал внимание на ценность губернских ведомостей в качестве источни-

ка по истории и этнографии Сибири и на их роль, которую они сыграли в общественной и научной жизни края в конце 50-х – начале 60-х гг.: «Во все время своего существования до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ, губернские ведомости были единственным прибежищем пишущих образованных людей Сибири» [49. С. 373]. Настоящее и будущее губернских ведомостей виделось Н.М. Ядринцеву лишь в качестве официального органа: «Всякая попытка конкурировать с частными изданиями по части литературного материала, да еще вести с ними полемику, обыкновенно и до последнего времени кончается плачевно... <...> “Губернские Ведомости” должны получить более тесное официальное значение, а все, что касается литературы и научных исследований, выделось из них» [49. С. 374].

Данный очерк полностью вошел в главу о зарождении и развитии местной периодики во втором, расширенном издании труда Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1892) [50. С. 662–697]. В первом издании 1882 г., приуроченном к 300-летию присоединения Сибири к России, в главе об образовании в Сибири в одном абзаце был намечен план-конспект очерка (в котором не было места губернским ведомостям) – иркутская газета «Амур», «Сибирский вестник» Б.А. Милютин, «Кяхтинский листок» и, наконец, «Сибирь», которая «привлекши лучшие местные силы и став во главе разработки местных вопросов, служит уже несколько лет сибирскому обществу» [51. С. 396]. Губернским ведомостям было уделено более подробное внимание в 1885 г., не только по причине того, что они исторически предшествовали частной газетной периодике, но и ввиду необходимости расставить желаемые приоритеты и все точки над «i» в споре ядринцевского «Восточного обозрения» со своими конкурентами – «Томскими губернскими ведомостями» периода редакторства их неофициальной части Е.В. Корша в 1882–1883 гг. [52. С. 107–112] и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева, начавшим выходить с 1885 г.: «По смерти князя Кострова “Томские губернские ведомости” совершенно падают. Ведомости редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г. является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части. Губернские ведомости не могли уже соперничать с возникшею в Томске частною печатью» [49. С. 370–371]; «Только благодаря усилиям и последовательности иркутской газеты [«Сибири»], элемент ссыльных мошенников не получил такого значения и не завладел общественной жизнью в Иркутске, как это случилось в Томске» [50. С. 683]; «Но орган этот [«Сибирский вестник»] составил, по своему направлению, исключение из местной сибирской печати. Хотя в несколько лет добился значительного распространения» [50. С. 685]. В последнем случае Н.М. Ядринцев все же проговаривался, поскольку «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» в ряду немногочисленных сибирских газет был не менее популярен, чем «Сибир-

ская газета» и «Восточное обозрение», но данные им оценки сформировали представление об авторах и редакторах «Сибирского вестника» как организаторах «продажного рептильного органа» [53. С. 77], хотя в настоящее время наметилась тенденция к изменению этой точки зрения [54. С. 121–149].

Мнение о губернских ведомостях Н.М. Ядринцева было подкреплено воспоминаниями другого лидера областнического движения – Г.Н. Потанина, который писал, что «настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева» [55. С. 279], и упоминал лишь окрашенные обличительным или областническим содержанием статьи ведомостей: «В первых же номерах [«Иркутских губернских ведомостей»], которые редактировал петрашевец Спешнев, появилась статья о винных откупах. Она тотчас же была отмечена в петроградских газетах и перепечатана. Это был первый удар, нанесенный системе печатью, вероятно, с благословения иркутского генерал-губернатора Муравьева-Амурского... <...> ...мы с Ядринцевым на столбцах “Томских ведомостей” помещали статьи по университетскому вопросу в Сибири, о равновесии областного бюджета с государственным, о вредном влиянии ссылки на сибирские нравы и т.п. Конечно, такой литературе не место в официальных органах» [55. С. 280].

В последующих характеристиках губернских ведомостей «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева бралось за основу, дополняясь сведениями о современном их положении и видоизменяясь в некоторых частях, если автор имел свое особое мнение. Так, «Тоболяк», пересказывая текст Н.М. Ядринцева в статье «Столетие сибирской печати» (1889) в «Сибирском вестнике», отмечал, что в «Томских губернских ведомостях» в период работы в них Е.В. Корша «мы находим несколько дельных статей и корреспонденции из Западной и Восточной Сибири. Кроме того, в газете иногда появлялись интересные статистические и этнографические статьи, как, например, Н.П. Григоровского. В “Ведомостях” за это время даже печатались передовые статьи, и нужно отдать справедливость – довольно содержательные и дельные» [56. С. 374]. В качестве причин «оскудения внутреннего содержания» сибирских ведомостей, в особенности в 80-е гг., «Тоболяк» называл узость их программы, неподготовленность редакторов к литературной деятельности и появление частных, а также научных органов печати, в которых стал публиковаться прежний «насущенный хлеб» ведомостей – этнографический и исторический материал.

Вывод Н.М. Ядринцева о том, что «до возникновения частной литературной деятельности в Сибири и ученых обществ губернские ведомости служили прибежищем пишущих образованных людей Сибири», повторил историк А.И. Дмитриев-Мамонов в работе с аналогичным названием «Начало печати в Сибири» (1900) [57. С. 68]. 40-летие сибирской печати было отмечено статьей историка и географа П.М. Головачева «Судьбы “Губернских ведомостей” в Сибири» (1897), а в связи с общерусским ее юбилеем в «Восточном обозрении» им была опубликована большая статья «Прошлое и настоящее сибирской печати» (1903). Следуя известной канве в описании ранней истории ведомостей, с упоминанием классических и знаковых ядрин-

цевских высказываний о том, что первый номер «Тобольских губернских ведомостей» начинался с «рецепта чернил», а с 1866 г. «Томские губернские ведомости» «опускаются до прежнего уровня и наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом» [58. 1903. № 17. 21 января. С. 2–3], П.М. Головачев сообщал о попытках «оживления» «Енисейских губернских ведомостей» в 1891 г. губернатором Л.К. Теляковским, о «борьбе за литературное существование» «Тобольских губернских ведомостей» в 1893–1897 гг. и о расширении программы неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900 г. при губернаторе И.П. Моллериусе. Общий вывод П.М. Головачева исключал ведомости из числа «литературных» изданий – «они должны существовать исключительно, как сборники циркуляров центрального правительства и приказов губернской администрации» [59. 1897. № 150. 21 декабря. С. 2–3]. Аналогичная мысль была высказана народовольцем В.В. Леоновичем в статье «Из текущей жизни. Несколько слов о казенной печати в Сибири» (1897): «...гг. бюрократам следовало бы лишь отказаться от взглядов на “Ведомости”, как на газету, и затем признать их за орган для печатания материалов и статей по истории края, его этнографии, географии, археологии, статистике и т.п.» [59. 1897. № 121. 15 октября. С. 4].

Едва ли не единственные сведения об изменениях, произошедших с губернскими ведомостями в начале XX в. и в период первой русской революции, содержатся в юбилейной статье сибирского журналиста и общественного деятеля К.В. Дубровского (1907) [59. 1907. № 186. 3 июня. С. 2; № 188. 6 июня. С. 2]. Кроме краткого пересказа статьи П.М. Головачева, автор упомянул о деятельности редактора неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1900–1905 гг. А.И. Виноградова и о повороте газеты «вправо», который связывался с вступлением в должность иркутского губернатора вице-губернатора В.А. Мишина, сменившего И.П. Моллериуса. Эти сведения из «новейшей» истории «Иркутских губернских ведомостей» были воспроизведены в очерке «Периодическая печать города Иркутска» (1916) историка и библиографа Н.С. Романова [60. 1916. № 9–10. С. 400–401]. В период управления Забайкальской областью Е.О. Мациевским, а затем И.П. Надаровым была расширена программа «Забайкальских областных ведомостей», о чем благожелательно сообщали редактор частной газеты «Забайкалье» П.М. Мартынов (1904) [61. 1904. № 66–68] и сам редактор «Забайкальских областных ведомостей» в 1902–1905 гг. Н.Д. Карамышев (1909) [62. 1909. № 88]. «Голос Сибири» (1911), также заботясь о будущем историке сибирской печати, определил оба органа следующим образом: «...как “Забайкалье”, так и неофициальная часть “Областных ведомостей” были безыдейными уличными листками с сильным черносотенным пошибом» [63. 1911. № 262. 23 ноября].

В очерке «Периодическая печать в Томске» Вс.М. Крутовского (1912) значительная часть данных по истории губернских ведомостей вновь была заимствована из статьи «Начало печати в Сибири» Н.М. Ядринцева. Только по причине работы в первой томской газете Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и

Д.Л. Кузнецова автору «неизбежно» пришлось «сказать несколько слов» о «Томских губернских ведомостях» 1863–1865 гг.: «...ни до этого, ни после не было такого блестящего состава сотрудников», превративших «затхлые» ведомости в «выдающуюся для своего времени по содержанию и направлению газету» [64. С. 286]. Видимо, по аналогии дискуссии между «Восточным обозрением» и «Сибирским вестником» В.П. Картамышева в работе Вс.М. Крутовского возникла «дискуссия» между «Сибирским вестником» Б.А. Милютина и «Томскими губернскими ведомостями»: «На страницах “неофициального отдела” Н.М. Ядринцев дебатировал огромной важности вопрос: “Сибирь, та ли же Русь?” в ответ на вызов, как мы уже говорили, Б.А. Милютина в “Сибирском Вестнике”» [64. С. 286]. В действительности, статья «Сибирь – та же Русь» была напечатана в «Амуре» в 1861 г. [65. 1861. № 84. 28 октября. С. 797–798], перепечатана в 1862 г. в «Иркутских губернских ведомостях» [1862. № 47. 24 ноября] и содержала в себе всего лишь рассуждения о необходимости перенесения в Сибирь тех общественных учреждений, которые получали распространение в Европейской России. Под ответной статьей Н.М. Ядринцева «Сибирь, та ли же Русь?» Вс.М. Крутовский имел в виду, видимо, статью «Сибирь перед судом русской литературы» [67. 1865. № 9. 5 марта] или же статью Н.В. Шелгунова «Сибирь – та ли же Русь», напечатанную в 1863 г. в «Русском слове» [19. 1863. Сентябрь. С. 25–40].

Заключает дореволюционную историографию губернских ведомостей Сибири работа «Периодическая печать в Сибири» (1919) А.В. Адрианова – этнографа и просветителя, последнего представителя сибирского областничества. Еще раньше А.В. Адрианов писал о деятельности Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и Д.Л. Кузнецова в «Томских губернских ведомостях» [68. С. 116–119; 69. С. 43–52], приводил сведения о подписке и тиражах томских газет [68. С. 81–82]. В краткой «истории повременной печати Сибири», излагавшейся с целью показать путь и характер ее развития к 1919 г., была представлена все та же областническая концепция сибирской периодики, в которой ведомости рассматривались как первичный этап «умственного роста» местной интеллигенции. При этом концепция извлекала «факты» уже сама из себя – ошибочное утверждение Вс.М. Крутовского о «дебатах» между «Томскими губернскими ведомостями» и «Сибирским вестником» было подано уже в виде «политических статей» Н.М. Ядринцева против Б.А. Милютина, «доказывавшего, что “Сибирь – та же Русь”» [70. С. 3]. Среди ведущих и постоянных сотрудников неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» А.В. Адрианов называл Щукина и Шешунова [70. С. 3]. Н.С. Щукин – основной обвиняемый по делу о сибирских сепаратистах, составитель литературного сборника «Сибирские рассказы» и организатор литературно-публицистического журнала «Сибиряк», выпуск которого не состоялся [71. С. 79–86]. Н.Г. Шешунов с 1893 г. был временным редактором «Восточного обозрения» [72. С. 88]. Но оба эти человека никогда не публиковались в «Иркутских губернских ведомостях»¹. Свою работу А.В. Адрианов завершал в условиях, ко-

гда «типичные советские газеты сошли со сцены в Сибири по мере освобождения ее территории от большевиков и их засилья» [70. С. 24]. Однако этого не случилось. Некогда оппозиционная самодержавию либеральная «Сибирская жизнь» для новой власти стала «черносотенно-провокационной» [73. С. 198]. В марте 1920 г. ее последний редактор был расстрелян по приговору Томской ЧК.

Итак, исследовательский интерес к губернским ведомостям в дореволюционный период был представлен следующими направлениями:

1. *Составление в научно-справочных целях библиографических обзоров содержания губернских ведомостей* в ведомственных, научных и литературно-публицистических периодических изданиях, а затем в самих губернских ведомостях. Ведомости при этом дифференцировались по научной значимости публикуемых в них материалов. Опыт составления общих указателей за определенные периоды был недолгим – 40–50-е гг. XIX в. (работы И.П. Боричевского, Г.Н. Геннади, А.И. Пискарева, А.Н. Афанасьева, А.Н. Егунова) – и сменился указателями региональными, которые составлялись бывшими или действующими сотрудниками губернских ведомостей, секретарями статистических комитетов. Они стремились в общеисторических и краеведческих целях сохранить библиографические сведения о статьях по истории, географии, этнографии и статистике края, избирая для их описания и группировки различные принципы и потому учитывая далеко не все публикуемые в неофициальных частях губернских ведомостей материалы. В конце 80-х гг. среди историков, этнографов и библиографов была поставлена задача создания общего для всех ведомостей указателя или указателя для указателей, которая в дальнейшем приобретала все больше активных сторонников, но так и не была решена.

2. *Использование материалов губернских ведомостей в качестве источника для «внутренних обзоров» в центральных изданиях.* В этом случае подход к ведомостям был сугубо утилитарным, из просмотренных газет отбирался лишь нужный с точки зрения редакции материал, а все остальное шло в «отбой» как существенное и важное только лишь для серой провинциальной действительности. Ведомости дифференцировались, но уже по степени отражения ими «действительных фактов» общественной жизни – среди них (по классификации А.Н. Плещеева) выделялись «безгласные», «сдержанные» и «сочувствующие новым идеям». Революционно-демократические издания – «Современник», «Русское слово», «Колокол» – обращались к ним как к надежному официальному источнику в политических целях и призывали местных редакторов работать в ведомостях именно в этом ключе, быть их своеобразными «региональными представителями» в разработке «местных вопросов».

3. *Дискуссия конца 50-х – начала 70-х гг. XIX в. по поводу содержания и направления губернских ведомостей* в среде общественных деятелей, публицистов, журналистов, многие из которых были причастны к изданию ведомостей. В этой дискуссии ряд авторов (Р.Г. Игнатьев, С.Н. Терпигорев, В.И. Межов) в связи с развитием частной прессы отказывали первенцам про-

винциальной печати в жизнеспособности и считали необходимым их реформирование, главным образом, на путях привлечения к работе в ведомостях независимых интеллектуальных сил, претендующих на расширение поля своей литературной и общественной деятельности на счет государственной печати. Снисходительно-ироничное отношение к «губернской литературе» выразил М.Е. Салтыков-Щедрин, о ее местечковости и подражательности писали Н.В. Шелгунов, В.А. Слепцов и Д.Л. Мордовцев. Против монополии частных газет выступил А.С. Гациский, который своим примером доказывал возможность существования полноценной провинциальной прессы. По его мнению, «свой путь» для губернских ведомостей заключался в научном изучении локальной истории в соизмерении ее с современностью, что позволит судить о всех разнообразных местностях России. Съезд представителей губернских ведомостей, организованный Главным управлением по делам печати в 1901 г., вновь оживил дискуссию об историческом прошлом и будущем губернских ведомостей между столичными изданиями, которые в большинстве своем не считали ведомости газетой (вкладывая в это понятие прежде всего общественно-политический смысл), и самими ведомостями, редакторы которых отстаивали свое право на освещение местной жизни и выражение местных интересов в официальном «внепартийном» издании [74. С. 92–96; 75. С. 164–174].

4. *Определение места губернских ведомостей в истории провинциальной периодической печати.* В 1888 г. 50-летний юбилей большей части губернских ведомостей России привел к появлению ряда очерков, посвященных истории их возникновения, развития, роли в изучении края. Сами редакторы и сотрудники ведомостей, давая характеристику газете, сосредотачиваясь на самых мельчайших подробностях ее существования, считали, что она занимает достойное место в ряду провинциальных изданий, несмотря на критику, продолжает существовать и вносить свой вклад в историю российской печати. В юмористическом ключе к «оживлению» ведомостей подошел В.Г. Короленко, хотя он скорее подтвердил нестабильный волнообразный характер их развития, зависящий от местного губернатора и редактора. В общих обзорах печати ведомости типизировались и в целом, как не соответствующие критерию общественно-политической значимости, определялись как казенные справочные периодические издания (Б.Б. Глинский, Н.М. Лисовский, С.А. Венгеров). Именно голос последних сформировал неизменное и авторитетное мнение в отношении губернских ведомостей как не игравших никакой роли в «освободительном движении», которое было воспринято и генерализовано в последующей советской историографии.

Очень определенно влияние авторитетного мнения на формирование отношения к губернским ведомостям прослеживается в Сибири. В 1885 г. в приложении к «Восточному обозрению» Н.М. Ядринцева вышла его статья «Начало печати в Сибири», которая создала губернским ведомостям как ретроспективную, так и перспективную, на весь период их существования, репутацию. В 1864–1865 гг., совместно с другим ос-

нователем областничества и будущим мэтром сибиреведения – Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцев принимал участие в наполнении неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Именно этот короткий период (а для «Иркутских губернских ведомостей» период 1857–1859 гг., когда в них работали ссыльные петрашевцы) стал оцениваться как высший этап развития газеты, после чего она вступила в период «упадка». Место и значение ведомостей в истории сибирской печати определялись Н.М. Ядринцевым с точки зрения начального этапа возникновения независимых и оппозиционных властям частных изданий («подлинной местной печати»). Предшествующие годы существования неофициальных частей губернских ведомостей, как и последующие после «дела областников», оценивались с точки зрения их соответствия (вернее, несоответствия) задачам местного печатного органа, поэтому не заслуживали пристального исследовательского внимания. Последующие авторы – «Тоболяк», А.И. Дмитриев-Мамонов, П.М. Головачев, К.В. Дубровский, Н.С. Романов – воспроизводили и дополняли точку зрения первопроходца частной сибирской журналистики, иногда искажая ее в деталях (Вс.М. Кру-

товский, А.В. Адрианов), но не в раз и навсегда данных в 1885 г. оценках.

Период выхода реформированных правительством губернских ведомостей во время первой русской революции и в последующие до Октябрьской революции годы вообще выпал из поля зрения историков печати либерального и областнического направления, а писать об этом после установления советской власти уже было некому, незачем, да и не безопасно. Так областническая концепция истории губернских ведомостей, нарастившая историографический авторитет, и до настоящего времени в своей фактологической и теоретической частях продолжает быть основой для освещения ранней истории сибирской периодической печати [76. С. 23–33]. Мнения первых авторов истории сибирской печати и ее непосредственных участников важны и, безусловно, заслуживают внимания, но как исходящие от представителей конкурирующей частной прессы и носителей иных политических взглядов они не могут претендовать на исключительную доброжелательность, взвешенность и внимательное отношение ко всем обстоятельствам биографии местных правительственных газет за столь длительный отрезок времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья «Смертность в Иркутске», напечатанная в № 10 «Иркутских губернских ведомостей» от 6 марта 1858 г. и подписанная как «Н. Щукин. С.П.Б. 11 дек. 1857 г.», судя по ее содержанию и стилю, принадлежит дяде и полному тезке идеолога сибирского областничества – писателю и краеведу Николаю Семеновичу Щукину (1792–1883).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русский инвалид*. 1845.
2. *Боричевский И.П.* Обзорные губернских ведомостей с 1842 по 1847 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848–1851. Ч. 58, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 69, 72.
3. *Боричевский И.П.* Обзорные губернских ведомостей с 1848 по 1850 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852–55. Ч. 75, 76, 80, 83, 85.
4. *Геннади Г.Н.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещенных в губернских ведомостях 1851–1859 гг. // Вестник Императорского Русского Географического общества. СПб., 1852. Ч. 5. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–47; 1853. Ч. 8. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–46; 1854. Ч. 11. Кн. 3. Раздел IV. С. 1–41; 1855. Ч. 14. Кн. 4. Раздел IV. С. 1–60; 1856. Ч. 18. Кн. 5 Раздел IV. С. 1–28; 1858. Ч. 23. Кн. 5. Раздел IV. С. 1–22; 1859. Ч. 25. Кн. 3. Раздел IV. С. 17–51.
5. *Пискарев А.И.* Алфавитно-синтетический указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей // Вестник Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1857. Ч. 18. Кн. 3; 1857. Ч. 20. Кн. 4; 1860. Ч. 29. Кн. 6; 1860. Ч. 29. Кн. 7.
6. *Афанасьев А.Н.* Обзорные русской литературы за 1849–50 гг. // Современник. СПб., 1850. Т. 19. С. 13–36; 1851. Т. 26. С. 3–45.
7. *Егунов А.Н.* Обзорные губернских ведомостей // Русский вестник. М., 1856. Т. 1. Кн. 2. С. 222–229; Т. 2. Кн. 1. С. 51–63; Т. 3. Кн. 2. С. 132–143.
8. *Егунов А.Н.* Обзорные губернских ведомостей // Отечественные записки. СПб., 1856. Т. 108. Кн. 10. С. 137–148; Т. 109. Кн. 11. С. 25–38; Т. 111. Кн. 3. С. 25–44.
9. *Н.П. [Н.А. Попов – ?]* Казанские письма. «Губернские ведомости» вообще и «Казанские» в особенности // Московские ведомости. 1859.
10. *Б. [Бабст И.К. – ?]* Литературные заметки. Этнографические и исторические статьи губернских ведомостей // Московские ведомости. 1859. № 56.
11. *Щ. [Щепкин М.П. – ?]* Обзорные губернских ведомостей // Московские ведомости. 1859.
12. *Л-ский И. [С.А. Ладыженский – ?]* Обзор «Губернских ведомостей» // Семейный круг. СПб., 1859.
13. *[Плещеев А.Н. – ?]* Заметка кое о чем // Московский вестник. 1860. № 27.
14. *Внутренняя* корреспонденция. «Губернские ведомости» и губернские статистические комитеты // Московские ведомости. 1861.
15. *Игнатьев Р.Г.* Вопрос о преобразовании губернских ведомостей // Иллюстрация. 1860.
16. *Российский* государственный исторический архив.
17. *Н-ов* (Село Берестово, 17 декабря 1860 г.). О губернских ведомостях // Московские ведомости. 1861.
18. *Игнатьев Р.* Еще о губернских ведомостях (с. Тунгатарово Оренбургской губернии, 2 апреля) // Московские ведомости. 1861.
19. *Русское слово*.
20. *Современник*.
21. *Переписка* Н.А. Добролюбова с С.Г. Славутинским // Огни: История. Литература. Пг., 1916. Кн. 1.
22. *Добролюбов Н.А.* Опыт отлучения людей от пищи // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л., 1963. Т. 7.
23. *Ковалева М.М.* Русская провинциальная печать в оценке журнала революционной демократии «Современник» // Становление и развитие местной печати России : межвуз. сб. трудов. Воронеж, 1985.
24. *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985.
25. *Глинский Б.Б.* Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. № 1.

26. Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д, 1969.
27. Булачев Х.С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981.
28. Межов В.И. Краткий статистический и библиографический обзор русского отечествоведения за 1859–1868 гг. СПб., 1870.
29. Нижегородские губернские ведомости.
30. Дело.
31. Гациский А.С. Смерть провинции, или нет. Открытые письма Д.Л. Мордовцеву. Н. Новгород, 1876.
32. Сундиева А.А. Культурный и общественный смысл дискуссии о провинциальной печати (70-е гг. XIX в.) // Провинциальный город: культурные традиции и современность. М., 2000.
33. Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» с 1838 по 1917 гг. (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья : сб. ст. Пермь, 1973.
34. Озерова Г.А. Источники краеведческой библиографии (губернские ведомости и указатели их содержания) // Труды ГПИБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 3(6).
35. Ермилов Н.Е. Полный систематический указатель статей, помещенных в неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» за 1882–1887 гг. Архангельск, 1888.
36. Соловский В.В. Указатель статей, помещенных в Тамбовских Губернских Ведомостях с 1838 по 1888 год. Тамбов, 1888.
37. Васильев И.И. Пензенские губ. ведомости. Первое пятидесятилетие. 1839–1888. Отдел неофициальный: систематический свод статей, относящихся к Пензенскому краю, хронологический и алфавитный указатели. Пенза, 1889.
38. Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888–1890.
39. Скрипичин В.А. «Саратовские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1838–1894 гг. Очерк составлен ко дню празднованию столетия губернской типографии. Саратов, 1895.
40. Хороманский В.М. Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895.
41. Барсов Е.В. Обзор этнографических данных, помещенных в разных губернских ведомостях за 1873 г. // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 1: Труды этнографического отдела; Кн. 3. Вып. 1: Протоколы заседаний Отдела (с 22 декабря 1867 г. по 23 апреля 1874 г.). М., 1874.
42. Сумцов Н.Ф. Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. Оттиск из февральской книжки журнала «Киевская старина». Киев, 1888.
43. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882). Сургут, 1993. Репринт. воспр. изд. 1883, под ред. А.А. Преображенского.
44. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1.
45. Короленко В.Г. Из истории областной печати (памяти А.С. Гациского) // Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. Н. Новгород, 1897.
46. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004.
47. Лисовский Н.М. Периодическая печать в России 1703–1903. Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий (с диаграммами) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. СПб., 1903.
48. Венгеров С.А. Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. СПб., 1903.
49. Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885.
50. Ядринцев Н.М. Литература о Сибири и зарождение местной печати // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892.
51. Ядринцев Н.М. Образование в Сибири // Ядринцев Н.М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882.
52. Шевцов В.В. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в период редакторства Е.В. Корша (1882–1883): прерванный полет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343.
53. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982.
54. Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009.
55. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
56. Тоболяк. Столетие сибирской печати (1889) // Российская провинциальная частная газета / под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004.
57. Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. СПб., 1900.
58. Восточное обозрение.
59. Сибирь.
60. Сибирская летопись.
61. Забайкалье.
62. Даурская волна.
63. Голос Сибири.
64. Город Томск. Томск, 1912.
65. Амур.
66. Иркутские губернские ведомости.
67. Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта.
68. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
69. Адрианов А.В. Сибирская интеллигенция в Томске // Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. С. 43–52.
70. Адрианов А.Г. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 году. Томск, 1919.
71. Шиловский М.В. Демулен из Иркутска (Н.С. Щукин) // Сибирь в составе России XIX – начало XX вв. : сб. науч. трудов. Томск, 1999. С. 79–86.
72. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997.
73. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин: Последний энциклопедист Сибири. Томск, 2004.
74. Шевцов В.В. Деятельность Комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347.
75. Шевцов В.В. Дискуссия в общественных и правительственных кругах о реформе губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. СПб., 2012. Вып. 16.
76. Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 октября 2013 г.